

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАЛАТЫ
ВЕРХОВНОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Об отказе в принятии к производству обращения Джакупбекова Аската
Замировича о проверке конституционности нормативного положения части 1
статьи 313 Уголовного кодекса Кыргызской Республики и абзаца восьмого
пункта 1 части 1 статьи 1 Закона Кыргызской Республики
«О противодействии экстремистской деятельности»

8 июля 2020 года

город Бишкек

Коллегия судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики в составе: Бобукеевой М.Р., Касымалиева М.Ш., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Аблакимове К.А., рассмотрев обращение Джакупбекова А.З.

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 12 июня 2020 года поступило ходатайство Джакупбекова А.З. о проверке соответствия нормативного положения части 1 статьи 313 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, выраженного словами «Действия, направленные на возбуждение межрегиональной вражды (розни), унижение национального достоинства» и абзаца восьмого пункта 1 части 1 статьи 1 Закона Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» части 1 статьи 1, пункту 6 части 4 статьи 20, частям 1, 2, 4 статьи 31, части 5 статьи 33 Конституции Кыргызской Республики.

Как отмечает заявитель, обжалуемые им положения статьи Закона Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» (далее - Закон) и статьи Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее -

Уголовный кодекс) являются идентичными в части «унижения национального достоинства», в связи с чем, приводимые им доводы применимы в отношении обеих оспариваемых норм.

Субъект обращения указывает, что Конституция Кыргызской Республики, устанавливая право каждого на свободу мысли и мнения, на свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати (части 1, 2 статьи 31), тем самым, гарантирует каждому возможность беспрепятственно выражать свое мнение и убеждения по различным вопросам общественного, государственного и иного характера посредством устного или печатного слова на собраниях, митингах или другими средствами. Данные конституционные нормы корреспондируют основным международным стандартам в сфере прав и свобод человека, в частности, статье 19 Всеобщей декларации прав человека, статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах также провозглашающих провозглашается право на свободу убеждений и свободное их выражение.

Вместе с тем, свобода мысли, мнения и свобода их выражения не являются абсолютным правом. Конституция Кыргызской Республики запрещает пропаганду национальной, этнической, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающей к дискриминации, вражде или насилию (часть 4 статьи 31). Заявитель акцентирует внимание на том, что в данной норме содержится запрет не на выражение мыслей, вызывающих ненависть или идеи национального и иного превосходства, а подразумевается запрет их пропаганды, содержащей призыв к дискриминации, вражде и насилию. Пропаганда, как показывает анализ научных подходов к ее определению, является распространением взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности. Основными элементами пропаганды являются субъект (социальная группа, интересы которой выражает пропаганда), объект (аудитория или социальные общности, на которые направлена пропаганда) и содержание, формы и методы, средства пропаганды (СМИ, интернет). Из

чего следует, что пропаганда - это заранее спланированное, преднамеренное, целенаправленное воздействие на аудиторию, целью которой, исходя из смысла конституционной нормы, является возбуждение в потенциально неопределенном количестве людей устойчивого чувства ненависти, враждебности, презрения к лицам иной национальности, расы, языка, религии, пола. Характерным признаком пропаганды, по мнению заявителя, является именно целенаправленное распространение информации, тогда как оспариваемые нормативные положения Уголовного кодекса содержат наряду с понятием «пропаганда», указания на «действия, направленные на возбуждение», тем самым, существенно расширяя смысл части 4 статьи 31 Конституции Кыргызской Республики.

Джакупбеков А.З. обозначает, что запрет, содержащийся в части 4 статьи 31 Конституции Кыргызской Республики, конкретизирован в законодательстве Кыргызской Республики в виде таких деяний как возбуждение расовой, национальной (межэтнической), религиозной, социальной розни, связанной с насилием, призывами к насилию; унижение национального достоинства, пропаганда исключительности, превосходства, неполноценности граждан по признаку религии, их социальной, расовой, национальной (этнической), религиозной, языковой принадлежности и отнесены законодателем к экстремистской деятельности (экстремизму), наряду с такими деяниями как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Кыргызской Республики; подрыв безопасности Кыргызской Республики, захват, присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной (этнической), религиозной ненависти, вражды, а равно по мотивам ненависти, вражды в отношении какой-либо социальной группы (часть 1 статьи 1 Закона Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности»).

В соответствии с указанным Законом вышеперечисленные деяния были криминализованы и закреплены в Уголовном кодексе в главе 43 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела 9 «Преступления против государственной власти», и имеет точно такой же видовой объект, что и государственная измена, шпионаж, насильственный захват власти, вооруженный мятеж.

Заявитель отмечает, что определение объекта посягательства имеет особое значение при его правильной квалификации и в этом аспекте он приводит различия законодательных подходов в разных странах. Так, в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран (кроме стран постсоветского пространстве) подобного рода деяния не относятся к государственным преступлениям, а считаются преступлениями иной категории, чаще всего, их относят к преступлениям против личности, против принципа равных прав и свобод человека (дискриминирующие преступления). Отнесение возбуждения вражды к преступлениям против государственной власти, можно объяснить пережитыми страной событиями, вооруженными межэтническими конфликтами. Однако, учитывая, что основным источником норм Уголовного кодекса является Конституция Кыргызской Республики, а конституционные положения о запрете любых форм дискриминации (часть 2 статьи 16) и запрете пропаганды каких-либо форм превосходства, призывающего к дискриминации, вражде или насилию (часть 4 статьи 31), содержащиеся во втором разделе Конституции Кыргызской Республики («Права и свободы человека»), то родовым объектом указанных преступлений должны быть интересы личности. Тем самым, нормы Уголовного кодекса и законодательства о противодействии экстремизму неправомерно расширяют родовой объект деяний, имеющий антидискриминационный характер и угрожающих правам и свободам личности. В результате этого, деяния, не представляющие особой опасности для государства зачислены в разряд экстремистских.

Также субъект обращения указывает, что предмет регулирования части 4 статьи 31 Конституции Кыргызской Республики существенно расширен оспариваемыми нормами в части такого признака как «унижение национального достоинства». Исторически уголовный запрет на возбуждение вражды в нашей стране берет начало с 1922 года, когда была установлена уголовная ответственность за пропаганду и агитацию, направленной на возбуждение национальной вражды и розни (статья 83 Уголовного кодекса РСФСР.). Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, помимо пропаганды и агитации, направленной на возбуждение национальной или религиозной розни, предусматривал также ответственность за распространение или изготовление и хранение литературы того же характера, влекущей за собой лишение свободы на срок до двух лет. Наказание ужесточалось, если те же действия осуществлялись в военной обстановке или при массовых волнениях - вплоть до высшей меры социальной защиты - расстрела с конфискацией имущества» (статья 59-6 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года). Родовым объектом деяний считался порядок управления. Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 года устанавливал наказание за умышленные действия, направленные на возбуждение национальной или расовой вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности (статья 11). В Уголовном Кодексе Киргизской ССР 1960 года деяние было отнесено к иным государственным преступлениям и было сформулировано в гораздо более категоричном и жестком виде, как умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни, на уничтожение национальной чести и достоинства, оскорбление чувств граждан, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к

религии (статья 68). 1 октября 1997 года был введен в действие новый Уголовный кодекс Кыргызской Республики. В статью 299 Уголовного кодекса вернули положения закона СССР 1958 года как действия направленные на унижение национального достоинства. Статья 299 была принята для реализации части 4 статьи 9 Конституции Кыргызской Республики 1993 года: «Действия, способные нарушить мирную совместную жизнь народов, пропаганда и разжигание межнациональной розни являются противоконституционными».

Заявитель в качестве своих доводов также приводит редакции оспариваемой нормы Уголовного кодекса в различные периоды времени (от 29 декабря 1960 года (статья 68), от 1 октября 1997 года (статья 299), от 2 февраля 2017 года (статья 313), содержащих различные диспозиции по вопросам привлечения к уголовной ответственности лиц, в том числе, за действия, направленные на возбуждение национальной, межрегиональной вражды и унижение национального достоинства. В 2009 году Уголовный кодекс Кыргызской Республики был дополнен статьей 299-1 «Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды», которая устанавливала ответственность за создание и осуществление руководства общественным объединением и религиозной организацией либо иной организацией, деятельность которых сопряжена с возбуждением национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды, унижением национального достоинства, пропагандой исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии. В Уголовном кодексе 2017 года формулировка деяния в статье 313 претерпела некоторые изменения, в частности к характеристике деяния причислены межэтническая вражда, рознь как синоним вражды, и такой признак, как «совершение посредством сети Интернет», были исключены ряд особо квалифицирующих признаков во второй части. По сравнению с прежней редакцией Уголовного кодекса,

преступление, квалифицируемое по части первой перешло в разряд из менее тяжких в тяжкие преступления (то есть произошло ужесточение наказания).

Диспозиция статьи 313 Уголовного кодекса фактически содержит три состава преступления: действия, направленные на возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни); унижение национального достоинства; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности.

Таким образом, «унижение национального достоинства» является деянием характерным для советского права, и направленным на обеспечение советской государственной идеологии.

Субъект обращения указывает, что в правовой науке под криминализацией понимается признание в уголовном законе деяния общественно опасным и объявление его уголовно наказуемым и считает, что криминализация не должна противоречить Конституции Кыргызской Республики, действующему законодательству и общепризнанным принципам и нормам международного права; криминализация должна быть осуществима в процессуальном и криминалистическом аспектах, то есть запрещенное деяние будет возможно раскрыть и расследовать законными правовыми средствами; криминализация не должна производиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эффективна при помощи иных, более мягких мер. С этих позиций унижение национального достоинства не может быть отнесено к категории уголовно наказуемых деяний по следующим основаниям.

Согласно Конституции Кыргызской Республики никто не может быть подвергнут уголовному наказанию за распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности (часть 5 статьи 33), этот запрет имеет абсолютный характер, так как не подлежат никаким ограничениям установленные Конституцией гарантии запрета на уголовное

преследование за распространение информации, порочащей честь и достоинство личности (пункт 6 части 4 статьи 20). Эти нововведения послужили основанием для исключения уголовного преследования за клевету, которая заключалась в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Кроме того, упомянутые положения Основного закона позволили устранить уголовную ответственность за оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства другого лица. Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своем решении от 6 ноября 2013 года отметила, что честь и достоинство относятся к неограничиваемым по своей природе и неотъемлемым от человека ценностным правам. Согласно данному решению честь относится к морально-нравственной категории и означает субъективное отношение общества к личности и оценка человека со стороны окружающих; достоинство (репутация) - это неотъемлемое, неотчуждаемое, бесценное право гражданина. Также это морально-нравственная категория означающая уважение и самоуважение человеческой личности, принадлежащее ему независимо от того, как он сам и окружающие люди воспринимают и оценивают его. Тем самым Конституционная палата понимает достоинство как совокупность высоких моральных качеств лица и уважения их в самом себе. Такое понимание преобладает и среди научного сообщества, большинство криминалистов понимают достоинство человека именно как внутреннюю самооценку собственных качеств и общественной значимости, уважение в самом себе положительных, высоких моральных качеств, ценность человека для самого себя и для общества. Достоинство рассматривается как самооценка в противовес чести как внешней оценке высоких моральных качеств индивида со стороны общества.

Однако, в оспариваемой статье 313 Уголовного кодекса речь идет об унижении национального достоинства, то есть группы лиц по национальному признаку, порождая вопрос об уместности такой формулировки, говоря о достоинстве группы лиц. Конституция Кыргызской Республики в нескольких

нормах фиксирует именно человеческое достоинство и достоинство личности (раздел 2). Следовательно, не может существовать коллективного достоинства, то есть невозможно рассматривать социальную группу как носителя достоинства. Для этого необходимо обладать органами восприятия, которыми группа как наиндивидуальный субъект не обладает. В связи с чем, заявитель полагает, что оспариваемая законодательная формулировка в этой части является некорректной и неконституционной.

Унижение в большинстве толковых словарей отождествляется с оскорблением, умалением достоинства. В декриминализованной статье 128 Уголовного кодекса (от 1997 года) унижение чести и достоинства другого лица также квалифицировалось как оскорбление, которое в соответствии с решением Конституционной палаты «может быть выражено устно, письменно или иными способами. Общественная опасность ущемляющих честь и достоинство действий заключается в опровержении виновной стороной ценности гражданина как носителя достоинства». Конституционная палата также указала, что из содержания части 2 статьи 128 Уголовного кодекса «следует, что преступные действия, порочащие или унижающие честь и достоинство граждан, осуществляются распространением сведений» и признала, что «следовательно, в соответствии с частью 5 статьи 33 Конституции Кыргызской Республики такие действия не могут считаться преступлением и субъект, нарушивший право, не может быть подвергнут уголовному преследованию». Основной вывод Конституционной палаты гласит: «Действия, порочащие или унижающие честь и достоинство гражданина, путем распространения информации не могут считаться преступлением, наряду с этим, действия, направленные против чести и достоинства гражданина, представляющие меньшую общественную опасность, также нельзя считать преступлением. Поскольку действия, предусмотренные статьей 128 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, охватывают признаки одного и того же преступления, необходимо признать, что оскорбление в целом противоречит Конституции Кыргызской

Республики. Поэтому, на основании вышеизложенного в соответствии с конституционными принципами, Конституционная палата отмечает необходимость снятия уголовного преследования за оскорбление».

Таким образом, унижение национального достоинства является оскорблением и, в силу конституционного запрета, не может преследоваться в уголовном порядке. Очевидно, что действиями, унижающими национальное достоинство, считается именно распространение информации, так как обязательным признаком данного состава преступления признается, согласно уголовному закону, публичность, использование средств массовой информации или сети Интернет. Публичность означает, что взгляды и идеи, унижающие национальное достоинство распространяются открыто, в присутствии публики, широкого круга лиц. Использование средств массовой информации и сети Интернет предполагает распространение указанных взглядов, идей с помощью радио, телевидения, газет, журналов, сайтов, соцсетей.

Помимо этого, заявитель отмечает, что часть 1 статьи 313 Уголовного кодекса содержит такой состав преступления как «действия направленные на возбуждение межрегиональной вражды (розни)». Возбуждение межрегиональной вражды представляет собой опасность не только в виде возможных конфликтов и столкновений между представителями регионов, но и нанесение ущерба целостности государства. Авторы комментариев к Уголовному кодексу под возбуждением межрегиональной вражды указывают попытку создать конфликты между гражданами – уроженцами (выходцами) регионов Кыргызской Республики (как правило, северного и южного регионов). Однако, по мнению Джакупбекова З.А., исходя из понимания вражды как отношений проникнутых неприязнью, ненавистью, возбуждение межрегиональной вражды подразумевает вероятность отношений на почве ненависти. Следовательно, криминализацией возбуждения межрегиональной вражды законодатель признал существование рисков опасного конфликта между регионами Кыргызстана, которые могут угрожать территориальной

целостности государства, что не соответствует действительности и противоречит части 2 статьи 16 и части 4 статьи 31 Конституции Кыргызской Республики. В конституционном перечне дискриминирующих признаков и указаний на региональную принадлежность (части 2 статьи 16), однако, перечень не является исчерпывающими и предполагает наличие «иных обстоятельств», к которым законодатель в Уголовном кодексе отнес принадлежность к региону, наличие регионального превосходства как разновидности социального превосходства. Следовательно, законодатель признает на официальном уровне существование в Кыргызской Республике социальных групп «южных» или «северных» кыргызов, тем самым, подвергая сомнению этническое, историческое, духовное единство кыргызского народа и признавая наличие предпосылок для его разделения. Так, оспариваемые нормативные положения противоречат части 1 статьи 1 Конституции Кыргызской Республики, закрепляющей, помимо прочего, Кыргызской Республики как унитарного государства.

Относительно содержания в оспариваемой норме Уголовного кодекса термина «возбуждение» заявитель отмечает следующее. Объективная сторона деяний, предусмотренных в данной статье, по мнению авторов комментариев к Уголовному кодексу и учебников по уголовному праву, состоит в оказании активного воздействия на людей, направленного на возбуждение вражды к отдельному лицу или группе лиц, то есть совершение действий, которые могут вызвать длительное состояние острой взаимной неприязни в зависимости от их национальной, этнической, религиозной, а, в рассматриваемом случае, региональной принадлежности. К таким действиям, как правило, относят высказывания, обосновывающие или утверждающие необходимость геноцида, депортации, совершения противоправных действий, применения насилия. Действия должны быть совершены публично, то есть открыто, гласно, в отношении неопределенного круга лиц в устной или письменной форме с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования.

Субъективная сторона преступления - совершение действий с прямым умыслом - возбудить межнациональную, межрасовую, межрегиональную вражду, с осознанием общественной опасности действий, с пониманием их деструктивного, антисоциального содержания и желанием совершить эти действия.

Вопрос о признаках возбуждения вражды является дискуссионным в постсоветском пространстве (особенно в России и Казахстане) как в научной среде, так и среди практикующих юристов. Проблема заключается в увеличении количества лиц, привлекаемых к ответственности за возбуждение вражды (даже за высказывания, выраженные в форме перепоста в социальной сети без какого-либо комментария обвиняемого), в отсутствии единообразной правоприменительной практики вследствие размытости и неопределенности таких понятий как возбуждение, вражда, рознь, национальное достоинство. Так, в 2018 году в России произошла частичная декриминализация статьи 282 Уголовного кодекса, и согласно принятым поправкам, если преступление совершено физическим лицом впервые, оно будет караться административным наказанием в виде штрафа от 10 до 20 тысяч рублей, обязательных работ до 100 часов или арестом на срок до 15 суток. Если же преступление совершено повторно в течение одного года, то за него будет наступать уголовная ответственность.

В Казахстане в статье 174 Уголовного кодекса предусматривалось наказание, в том числе, за возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни. Данное преступление отнесено законодателем к главе 4 Уголовного кодекса, как направленное против мира и безопасности и отнесено к международным преступлениям. Как показывает правоприменительная практика, под действие данной статьи попадали публичные и личные высказывания, посты и репосты в социальных сетях, статьи в СМИ и тексты в литературе. Президент Казахстана в декабре 2019 года предложил отказаться от формулировки «возбуждение» и использовать более точное понятие «разжигание», предполагающее действия виновного

лица, а не реакцию тех, к кому была направлена информация. Лицо, распространяющее достоверные исторические факты либо информацию, при этом не преследующее цели разжечь вражду, не может нести ответственность за негативную реакцию (возбуждение) пользователей информации.

В Кыргызской Республике привлечение к уголовной ответственности по статье 313 Уголовного кодекса пока не имеет широкий характер по сравнению с Россией и Казахстаном, однако наблюдается усиление тенденции привлечения к ответственности за возбуждение межрегиональной вражды - дела Темира Б., Джоробекова А., Сыдыманова Э. и других.

Во всех этих делах, действия субъектов квалифицированы как возбуждение межрегиональной розни и унижение национального достоинства, тогда как очевидно, что никто из них не ставил цели возбуждения вражды, а лишь распространял информацию оскорбительного характера, которая согласно Конституции Кыргызской Республики не может преследоваться в уголовном порядке.

Изучение правоприменительной практики по статье 313 Уголовного кодекса показывает, что в большинстве случаев, когда лицу вменяется унижение национального достоинства, деяние характеризуется как оскорбление, посредством использования грубых, бранных, разговорных выражений, способных унижать достоинство личности, содержащих ненормативную лексику, унижительные, оскорбительные слова, сравнения. Исходя из используемых формулировок, можно сделать вывод, что суды отождествляют понятия оскорбления и унижения достоинства человека.

Неконституционность, вкупе с неопределенностью и размытостью оспариваемых формулировок статьи 313 Уголовного кодекса создают риск произвольного применения данной статьи органами следствия и суда в целях преследования за инакомыслие и оппозиционную деятельность, что может привести к неоправданному ограничению прав на свободу слова и мнения. Следовательно, формулировки данной статьи требуют нормотворческой ревизии и приведения в соответствие с частью 4 статьи 31, частью 5 статьи

33, пунктом 6 части 4 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики. Объективная сторона преступлений в анализируемой статье сформулированы таким образом, что позволяет ставить вопрос об их соответствии требованиям четкости, ясности и недвусмысленности правового запрета. Необходимо также принять во внимание, что конституционный запрет относится исключительно к пропаганде национальной, этнической, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающая к дискриминации, вражде или насилию, то есть основной закон не содержит упоминания о региональной вражде и национальном достоинстве.

На основании изложенного, субъект обращения просит признать оспариваемые положения противоречащими Конституции Кыргызской Республики.

Коллегия судей, изучив ходатайство Джакупбекова А.З. и приложенные к нему материалы, заслушав информацию судьи Бобукеевой М.Р., проводившей на основании части 2 статьи 28 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» проверку ходатайства, пришла к следующим выводам.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 20 конституционного Закон «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» право на обращение в Конституционную палату принадлежит физическому (физическим) или юридическому (юридическим) лицу, если оно считает, что законами и иными нормативными правовыми актами нарушаются его права и свободы, признаваемые Конституцией.

При этом, пунктом 6 части 3 статьи 25 указанного конституционного Закона установлено, что в обращении должны быть указаны в том числе, обстоятельства, на которых сторона основывает свое требование, и доказательства, подтверждающие изложенные стороной факты.

Вместе с тем, в представленном обращении указанные требования обозначенного конституционного Закона не выполнены. Заявитель не привел обстоятельств, каким именно образом были нарушены его конституционные права и не приложил соответствующие доказательства подтверждающие нарушение его прав.

Кроме того, в представленном обращении системная связь между оспариваемыми нормами и положениями Конституции Кыргызской Республики подкреплены доводами, связанными с правоприменительной практикой и требуют исследования фактических обстоятельств дела, соответственно их решение относится к компетенции следственных органов и судов общей юрисдикции.

При этом следует принять во внимание, что правовая позиция, связанная с реализацией права на свободу выражения своего мнения была выражена в решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 29 декабря 2014 года, где было отмечено, что реализация права на свободу выражения своего мнения, свободу слова реализуется ответственно и в той мере, в какой не нарушает права и свободы других лиц, установленных Конституцией Кыргызской Республики (часть 4 статьи 31 Конституции Кыргызской Республики) и законами Кыргызской Республики. Такое положение имеет важное значение для поддержания баланса конституционных ценностей прав и свобод личности и ответственности в правовом государстве.

При этом, пользование правом на свободу слова в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах налагает особые обязанности и особую ответственность, а ограничение использования этого права предназначено «для уважения прав и репутации других лиц» (статья 19). Следовательно, честь и достоинство человека является своего рода ограничителем права на свободу слова для случаев злоупотребления этим правом как со стороны представителей средств массовой информации, так и иных субъектов.

Таким образом, доводы заявителя, изложенные в ходатайстве, не могут расцениваться как обстоятельства, вызывающие сомнения в конституционности оспариваемой нормы, которые в соответствии с абзацем вторым статьи 24 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» должны служить основанием для рассмотрения дела в рамках конституционного судопроизводства.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 2, пунктом 1 части 3 статьи 28 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», коллегия судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Отказать в принятии к производству ходатайство Джакупбекова Аската Замировича о проверке соответствия нормативного положения части 1 статьи 313 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, выраженного словами «Действия, направленные на возбуждение межрегиональной вражды (розни), унижение национального достоинства» и абзаца восьмого пункта 1 части 1 статьи 1 Закона Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» пункту 6 части 4 статьи 20, частям 1, 2, 4 статьи 31, части 5 статьи 33 Конституции Кыргызской Республики.

2. Настоящее определение может быть обжаловано в Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики.

Коллегия судей:

Бобукеева М.Р.

Касымалиев М.Ш.

Шаршеналиев Ж.А.